

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/94/9

«Русская тема» в интервью В. Набокова

Карина Касымова

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

kasymovak@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3251-0212>

Аннотация

Анализируются интервью В. Набокова на предмет наличия в них высказываний, которые так или иначе могут раскрыть нюансы в его публичном причислении себя к миру «русских писателей», отношении к собственному национально-культурному генезису, а также в его восприятии России как таковой. В результате исследования делаются выводы о том, что высказывания о своем статусе «русского писателя» Набоков строил так, чтобы их нельзя было расценить ни как согласие, ни как отрицание. Степень своей принадлежности к русской литературной традиции Набоков предпочитал оценивать как косвенную. Отношение Набокова к современной ему советской России было во многом предобусловлено предельной предвзятостью писателя, не желавшего считаться с реалиями советской действительности; кроме того, оно складывалось из противопоставления советской России идеальному образу России его детства. Отрицая возможность физического возвращения в Россию, Набоков, однако, не исключал вероятности своего, хоть и посмертного, но признания у русского читателя.

Ключевые слова

В. Набоков, интервью, публичные высказывания писателей, русская литература, литература русского зарубежья, советская литература, Советский Союз, цензура

Для цитирования

Касымова К. «Русская тема» в интервью В. Набокова // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 119–131. DOI 10.17223/18137083/94/9

© Касымова К., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 119–131
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 119–131

The “Russian theme” in the interviews of Vladimir Nabokov

Karina Kasymova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

kasymovak@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3251-0212>

Abstract

This paper examines the interviews of Vladimir Nabokov from the 1950s through the 1970s, specifically investigating public declarations that elucidate his self-identification as a “Russian writer.” The study explores his relationship with his national and cultural genesis, as well as his perception of Russia. The research is based on the interviews collected in the volume “Nabokov o Nabokove i prochem: interv’yu, retsenzii, esse” (“Nabokov on Nabokov and other things: interviews, reviews, essays”), compiled by N. Melnikov. The study concludes that when addressing his status as “still” or “also” a Russian writer, Nabokov structured his statements to avoid both definitive agreement and categorical denial. To craft his literary persona, he occasionally, and indirectly, linked himself to the Russian tradition through specific figures such as Nikolai Gogol. Nabokov’s stance toward contemporary Soviet Russia was characterized by a deep-seated refusal to engage with Soviet reality, which he contrasted with an idealized, mnemonic image of the Russia of his childhood. Despite his conviction that a physical return to his homeland was impossible, Nabokov maintained a belief in an eventual, albeit significantly delayed, recognition by the Russian readership he had lost.

Keywords

V. Nabokov, interviews, public statements of writers, Russian literature, literature of the Russian diaspora, Soviet literature, Soviet Union, censorship

For citation

Kasymova K. “Russkaya tema” v interv’yu V. Nabokova [The “Russian theme” in the interviews of Vladimir Nabokov]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 1, pp. 119–131. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/94/9

Как считают российские литературоведы, критики и читатели, В. Набоков, безусловно, может быть назван русским писателем. Автор восьми романов, десятков рассказов и пьес, сотен стихов на русском языке. Переводчик и комментатор творчества Пушкина. Один из самых знаменитых представителей литературы русского зарубежья. Создатель лекционных курсов по истории русской литературы и ее популяризатор среди англоязычной аудитории. Учитывая всё это, в праве Набокова считаться русским писателем не может быть сомнений. Однако уже первые его критики, тоже русские эмигранты, отмечали, что проза Сирина-Набокова не слишком «русская» по своей сути. Поводами для подобных «упреков» служили разные вещи: «жестокость» к собственным героям (Г. Струве); чуждость русской литературной традиции (М. Осоргин, М. Цетлин); прихотливая писательская манера, чрезмерная увлеченность формой (Г. Адамович, В. Ходасевич) [Цетлин, 1997; Адамович, 2000; Осоргин, 2000; Струве, 2000; Ходасевич, 2000]. Та же самая проблема – соотнесение текстов Набокова с русской литературной традицией – волновала потом и многих исследователей-набоковедов. Так, например, П. Тамми [1997], М. Шраер [2000], Н. Анастасьев [2002], Б. Аверин [2003], А. Долинин [2004] связывают творчество Набокова с традициями «золотого» и «серебряного» веков русской литературы. В работах М. Виролайнен [2002],

Е. Плотниковой [2004], М. Матвеевой [2010] даже англоязычное творчество Набокова рассматривается как «инобытие» русской культуры.

И все-таки, несмотря на исчисляющийся сотнями страниц объем исследований о русском компоненте в творчестве Набокова, мы позволим себе вновь взглянуть на его «русскую» составляющую – однако через корпус сохранившихся интервью писателя, в которых, несмотря на общую тенденцию к неоднозначности, может быть скрыт, по точному определению Н. Мельникова, «внутренний пульс его бытия» [Мельников, 2014, с. 167].

К периоду, на который пришлось слава и, как следствие, множественные публичные выступления Набокова (1950–1970-е гг.), с Россией и ее литературным процессом его формально давно ничего не связывало: с 1945 г. Набоков стал гражданином США, в своем творчестве он также полностью перешел на английский язык, и потому в большинстве публичных высказываний с полным для того основанием называл себя «американским писателем», не считая нужным выделять свое русское творческое «я». Однако вопросы о русском происхождении, о принадлежности к русской культуре и литературе, об отношении к России журналисты Набокову, разумеется, задавали всегда. И он на них, конечно же, отвечал – в противоречивой, ироничной манере, позволявшей ему смешивать откровенность с лукавством в нужных пропорциях.

В 1962 г. П. Дюваль-Смит, представитель «Би-би-си», спрашивает у Набокова, ощущает ли он себя русским, несмотря на столько лет, проведенных в Америке. Писатель отвечает, что да, он ощущает себя русским и считает свои русскоязычные произведения «своеобразной данью России». Впрочем, продолжает Набоков, он и сейчас «увлечен всем русским»: «недавно [он] посвятил России англоязычную работу о Пушкине»¹, а также закончил «просматривать хороший перевод своего романа “Дар”» [Набоков о Набокове..., 2002, с. 120–121]². Своим ответом Набоков, с одной стороны, дает понять, что он – русский и что на восприятие себя таковым жизнь в Америке не повлияла. С другой стороны, ощущать себя кем-либо не равно считать себя кем-либо. Конечно, можно сказать, что Набоков просто дублирует формулировку самого вопроса интервьюера: «Вы всё еще ощущаете себя русским <...>?» Однако, используя слово «ощущаю», писатель делает свое «признание» потенциально ненадежным, ведь ощущения изменчивы, и поэтому, если в последующих интервью Набоков не сочтет себя русским, в этом не будет ничего странного.

В 1963 г. Набоков, описывая О. Тоффлеру, корреспонденту из журнала «Плейбой», свой распорядок дня в Монтрё, замечает, что озеро Леман, вдоль которого он привык совершать короткую прогулку с женой, в свое время посещали многие «русские писатели девятнадцатого века <...>: Жуковский, Гоголь, Достоевский, Толстой» (с. 138). Называя имена русских классиков в связи с озером Леман, Набоков, на наш взгляд, делает не только интересный историко-литературный комментарий, но и косвенно подводит читателя к выводу, что он – тоже русский писатель. В беседах с А. Аппелем (1966) и Дж. Моссменом (1969) Набоков также опосредованно признает связь с русскими предшественниками. Так, на вопрос А. Аппеля о том, чувствует ли он «сродство» – «органическое или художествен-

¹ Комментированный перевод «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, над которым Набоков работал с 1950 по 1963 г. Первое издание вышло в Нью-Йорке в 1964 г. [Набоков, 1999, с. 29–30; Бойд, 2010, с. 384].

² Далее ссылки на это издание приводятся с указанием номеров страниц в круглых скобках.

ное» – с русскими писателями 1830–1840 гг., он отвечает, что если под «средством» понимать не наличие «точек соприкосновения», но способ «классификации» для «раскладчиков по полочкам», то, пожалуй, да, ощущает (с. 178). С предположением Дж. Моссмена о том, что в молодости на него мог повлиять Н. Гоголь, Набоков также соглашается, говоря, что «каждый русский писатель чем-то обязан Гоголю», однако сразу же добавляет, что сам он не из числа авторов, что способны порадовать своих исследователей «хорошей добычей» в виде следов литературных «влияний» (с. 290–291). В 1972 г. французский журналист К. Жанно интересуется у Набокова, остается ли он в душе русским писателем или чувствует себя писателем-космополитом. Когда-то, говорит Набоков, школьные учителя упрекали его в чрезмерном употреблении «французских и английских выражений в домашних сочинениях», а эмигрантская критика – в «излишней космополитичности» романов. Что ж, он готов признать: «славянская душа не самая сильная [его] сторона». Конечно, русский он знает «в совершенстве» и помнит «каждую тропинку» в парке из своего детства, но на этом всё – поэтому он может «с гордостью» сказать, что является «американским писателем» (с. 351). Интересно, что в интервью для французского «Экспресса» десятилетием ранее Набоков, напротив, вспоминал о том, как его «славянская душа <...> разрывалась» от необходимости работать на неродном английском языке (с. 98). В одном из последних публичных выступлений – в эфире телепередачи «Апострофы» (1975) – писатель снова подчеркнет, что его учителя и критики были правы, «когда сетовали на то, что [он] недостаточно русский» (с. 399).

Параллельно вопросу вроде «Мистер Набоков, считаете ли Вы себя русским?» задавались Набокову и другие, связанные с его языковым переходом, в частности будет ли он еще когда-нибудь работать на русском языке. Нет, отвечал Набоков, в его случае с русским языком как творческим инструментом покончено. И причин, по которым им было принято подобное решение, Набоков называл несколько. Первая из них, высказанная Набоковым в интервью О. Тоффлеру (1963), заключалась в отсутствии потенциальной аудитории, ради которой ему стоило бы продолжать создавать русскоязычные произведения, – даже такой самодостаточный и независимый писатель как он, нуждается в отдаче, в возможности распространения своего творческого «я» «по стране». В период эмиграции отдача и возможность распространения книг у него были: тогда книги, «написанные по-русски русскими эмигрантами <...> покупались» и передавались от одного читателя-эмигранта к другому «по всей <...> Европе» (с. 147–148). Но «эра эмиграции» закончилась, а ее аудитория – исчезла. Что же до страны, «где [он] родился», то там его имя читателю неизвестно, ведь все его книги, каждое слово в которых «наполнено презрением к полицейскому государству», «абсолютно запрещены» (с. 107, 111, 240).

Могли ли в советской России, несмотря на запреты, знать его книги? «Не думаю», – ответил Набоков в беседе с П. Дювалем-Смитом (1962), хотя и предположил, что «тайная служба» читателей³ у него там всё же есть (с. 117). В 1966 г. Г. Голд из «Пари ревю» подтвердил предположение Набокова, сказав, что его произведения в Советском Союзе «читаются». На вопрос же Голда о том, как бы

³ «Тайная служба» читателей Набокова действительно существовала – некоторым представителям советской интеллигенции его произведения были известны задолго до их официального «возвращения» благодаря пробивавшимся сквозь «железный занавес» экземплярам от американского издательства «Ардис» и тому же «самиздату» [Мельников, 2000, с. 266; Блум, 2005, с. 100].

он отнесся к «советскому их изданию», Набоков ответил: «Пускай печатают, если хотят». И добавил, что даже знает, какие его книги советское правительство сможет признать первыми: «вроде бы» содержащее «пророческую картину гитлеровского режима» «Приглашение на казнь» и якобы критикующую «американскую систему мотелей» «Лолиту» (с. 215). В интервью 1970-х гг. Набоков уже не нуждался в подтверждениях, уверенно говоря и о своем героическом, по его определению, русском читателе, и о постоянно проникающих в Россию «тихой сапой» экземплярах своих книг (с. 333, 351). Прав Набоков оказался и в сделанном в 1962 г. заявлении о том, что «тень полицейского государства не будет рассеяна при [его] жизни» (с. 117) – официальные издания его произведений появились в СССР только в конце 1980-х гг., спустя почти десятилетие после его смерти. «Ошибся» Набоков только в том, что первой из-под гнета цензуры выбралась «Защита Лужина» (1986), а не «Приглашение на казнь» (1988) или «Лолита» (1989) [Блюм, 1999, с. 202].

В качестве второй причины, по которой в отношениях с русским языком была поставлена точка, Набоков в беседе с Дж. Кларком из «Эсквайра» (1974) называл тот факт, что книги, которые ему хотелось написать на русском, он написал еще в первые двадцать лет своей литературной карьеры, отдав, таким образом, свою «дань» России (с. 388, 120). При этом в ходе публичной рефлексии Набоков подчеркивал, что «дань» была отдана не просто России, но его личной, «внутренней» России. Когда стало ясно, что Россия его детства ушла в прошлое навсегда, единственным способом сохранить ее образ в памяти стало следование собственному принципу, согласно которому художник должен уметь не только «перемешивать части <...> мира, но и вновь создавать его» – на «создание» своей России у Набокова, по его подсчетам, ушло «около сорока лет» (с. 135, 142). В «Других берегах» писатель сравнил потерю своей России с потерей нежно относившейся к нему «старой родственницы», узнать которую по-настоящему он «не удосужился». Только после ее «смерти» к нему пришло осознание, как мало у него воспоминаний о ней, и те из них, что он успел «рассовать по <...> карманам души», приобрели для него гораздо большее значение, чем могли бы, не случись этой внезапной и навечной утраты [Набоков, 1991, с. 175–176].

Учитывая тщание, с которым Набоков стремился закрепить в душе образ «искусственной, но восхитительной» России памяти, «недостатки» России реальной становились для него, на наш взгляд, еще более неприятно-очевидными – вероятно, по этой причине публичные высказывания писателя о последней были порой чрезмерно резки [Там же, с. 181]. Так, о произошедшей в России революции Набоков говорил только с презрением – причиной служили не только ее, революции, «банальные», по его определению, последствия в виде «кровопролития, обмана, гонений» и подмены «демократического идеала» обывательскими ценностями и благами (с. 288), но и то, что русской литературе, возникшей, по его словам, «только в восемнадцатом веке», пришлось остановиться уже в веке двадцатом (с. 106) и, превратившись в советскую, стать «орудием в руках государства» [Набоков, 2020, с. 31]. Да, говорит Набоков, поначалу некоторым писателям и поэтам удавалось сохранять творческую независимость за счет выбора таких тем, сюжетов и героев, к которым было затруднительно применить трафареты «пролетарской» литературы. К примеру, так поступили И. Ильф и Е. Петров, сделавшие героем своих произведений «негодяя и авантюриста», которого нельзя было обвинить в том, что он «плохой коммунист» в силу его плутовской природы. У поэтов также была «своя система» для «проскакивания» в политическом смыс-

ле, заключающаяся, по Набокову, в невыходе за пределы «чистой поэзии, лирических подражаний» и «цыганских песен» или в «прятании» за спиной полусумасшедшего лирического героя. Среди поэтов, шедших на такого рода уловки, Набоков называет имена И. Сельвинского и Н. Заболоцкого (с. 204–205). Но подобные случаи относительного творческого «везения» не могли, с точки зрения Набокова, остановить процесс примитивизации русской литературы, происходящий под давлением «навязываемой политики». В 1964 г. Дж. Хоуард из журнала «Лайф» спрашивает Набокова, может ли он дать прогноз дальнейшему вектору развития литературы в Советском Союзе. На что писатель замечает: на такие вопросы «нет прямого ответа». Развитие литературы не зависит только от степени гуманности или жестокости политического режима – великий художник с одинаковой долей вероятности может появиться как в условиях демократии, так и в условиях диктатуры (с. 163). Проблема же советской литературы, продолжает Набоков, состоит не только в том, что цензура излишне контролирует проявления творческой смелости, но и в том, что некому эту смелость продемонстрировать. По причине общего неверия Набокова в то, что в советском – «полицейском», по его определению, – государстве может существовать имеющее художественную ценность искусство, а также из нежелания как-либо навредить писателям, живущим в СССР, Набоков старался уходить от предложений интервьюеров прокомментировать творчество своих советских коллег. К примеру, на просьбу М. Даффи и Р. З. Шеппарда из журнала «Тайм» (1969) высказать мнение «о таких русских писателях, как Солженицын, Абрам Терц, Андрей Вознесенский», Набоков заметил, что объективная с литературной точки зрения оценка вынудила бы его сказать не только о достоинствах, но и о недостатках в произведениях этих авторов. Но в свете того «политического преследования», которому они подвергаются, его критика едва ли уместна (с. 249–250). В ответ на аналогичное предложение итальянского журналиста Р. Кантини (1973) Набоков также напомнил своему собеседнику, что его оценочная шкала рассчитана на свободных писателей, и потому использовать ее в отношении своих сопротивляющихся режиму коллег он считает несправедливым (с. 372). Следует, однако, отметить, что Набокову не всегда удавалось сохранять благородную позицию нейтралитета со стороны. В ходе некоторых интервью, например для Ж. Дювиньо в 1959 г., Р. Хьюза в 1965 г. и «покладистого анонима» в 1972 г., к роману «Доктор Живаго» Б. Пастернака им всё же была применена шкала оценивания для свободных писателей. В результате своего «объективного» критического разбора Набоков резюмировал, что книга эта «не вполне художественна» (1959), «отвратительно написана» (1965) и «топорна» (1972) (с. 93, 172, 346). Правда, нужно сказать, что наиболее резкие эпитеты Набокова в адрес «Доктора Живаго» прозвучали в публичном пространстве уже после смерти его автора, и потому не могли ухудшить положение ни Пастернака, ни его и без того официально запрещенного романа.

Еще одним предметом интереса журналистов был вопрос возможного возвращения или визита Набокова в Россию. Интерес был не в последнюю очередь сопряжен с желанием узнать, какой позиции придерживается американский, но в прошлом русский писатель Набоков при взгляде на сменяющиеся друг друга периоды «сближения» и «конфронтации» во взаимоотношениях советской России, США и Европы. Отвечая на подобные вопросы, Набоков вне зависимости от того, на какой из периодов во взаимоотношениях названных стран они приходились, неизменно придерживался антипозиции. В 1959 г. А. Герен задает Набокову прямой вопрос: «Вы вернетесь в Россию?» И слышит такой же прямой ответ: «Нет.

Никогда» (с. 84). Тремя годами позже П. Дюваль-Смит повторяет вопрос: «Вернетесь ли вы когда-нибудь в Россию?» Ответ прежний: «Я никогда не вернусь». Называет Набоков и причину своей категоричности: «Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство» (с. 117). В 1969 г. Дж. Моссмен вновь спрашивает у писателя, не хотелось ли бы ему «вернуться <...> чтобы <...> посмотреть на родные места». «А на что смотреть?» – отвечает Набоков. – На «дома и <...> церкви?» Они его не интересуют. На «царские покои»? Совершенно незачем – любой из дворцов в Италии для него «гораздо лучше» (с. 287). В 1974 г. Дж. Фейфер из «Сатурдей ревью» снова пытается «прощупать почву» на вероятность того, что Набоков решится на свидание с родиной, приводя в пример И. Стравинского, который также долгое время был против поездки в Россию, «однако, подобно М. Шагалу, глубоко расчувствовался, посетив ее». Может быть, и господину Набокову удалось бы испытать к ней теплые чувства? Начнем с того, говорит Набоков, что музыка Стравинского ему не знакома, а картины Шагала – безразличны. Если оба решились на визит, то, возможно, допускали и вероятность возвращения. Его же самого охватывает «дрожь отвращения», стоит ему только представить «любования» церквями и домами под аккомпанемент предложений выпить пресловутую «стопочку водочки» (с. 380). Из этих слов видно, что Набоков никогда не стремился составить для себя объективное представление о современной России, выбирая ту линию поведения, которая, по его словам, «будет особенно неприятна красным» (с. 217).

Вышесказанное позволяет понять причины того отчуждения и неприязни, которые Набоков демонстрировал по отношению ко всему, что касалось современной ему России. Суровая отчизна однажды предпочла сделать вид, что никакого писателя «В. Сирина», а потом и «В. Набокова», нет и не было никогда, подвергнув запрету его книги и лишив его читателей. С течением времени Набокову удалось перестать обращать на реальную Россию внимание – она «становилась для [него] всё менее и менее интересной», пока, в конце концов, не была полностью замещена образом полупридуманной, единственно настоящей для него страны – России его детства; ужас же от мысли, что его книги окажутся запрещены на родине, сменился безразличием (с. 148). Набоков предпочел не допускать мысли о вероятности посетить Россию и уж тем более там остаться. Если собрать воедино все его публичные высказывания в адрес советской России, то получится образ тоталитарного государства, где царят тирания и диктатура, где людям приказывают, о чем им думать и говорить, где искусство банально и политизировано, где художник не способен проявить творческую смелость и быть самим собой.

Нужно заметить, что, разумеется, далеко не все заявления Набокова о Советском Союзе следует принимать за истину – некоторые его суждения о стране под названием «СССР», которую он не знал и, что немаловажно, не хотел знать, излишне субъективны и предвзяты. При этом набоковские субъективность и предвзятость демонстрировали не только его равнодушные к тому, что происходило в Советском Союзе, но и, напротив, достаточный для вынесения «строгих суждений» уровень осведомленности о событиях за «железным занавесом». Презрение, которое Набоков демонстрировал по отношению к советской России, было следствием глубокого неприятия ее политической и идеологической системы. За резкостью в оценках советской литературы стояли не стремление к «эпатажу», не желание поглумиться над ее «примитивностью», но горечь и сожаление от того, что ей, бывшей когда-то великой русской, пришлось стать «служанкой» госу-

дарства. В желании Набокова обрести потерянного русского читателя чувствуется отчаяние писателя, вынужденного с показным спокойствием и равнодушием говорить о том, что прижизненных изданий его книг на родине ему не суждено дожидаться. Потому тот факт, что Набоков, нарушив собственное обещание больше никогда не писать на русском языке, решает собственноручно выполнить русский перевод «Лолиты», приобретает, по нашему мнению, особое значение. Да, главной причиной, побудившей его взяться за это дело, Набоков называет стремление защитить русскую версию «Лолиты» от неминуемых промахов чужого «ремесленнического» перевода, которые непременно исказят все произведение, превратив его в набор «вульгарных выражений» (с. 148–149). Автоперевод потребовал от Набокова большого напряжения творческих сил – в ходе работы пришлось признать, что его «родное наречие» уже не послушно ему так, как прежде [Набоков, 2004а, с. 347]. Но, несмотря на трудности, перевод «Лолиты» был выполнен, и на этом, как Набоков признается в беседе с Р. Хьюзом (1965), русскоязычный «круг [его] творческой жизни» замкнулся (с. 166). В «Постскриптуме» к русскому изданию «Лолиты» Набоков задается вопросом, для кого, собственно, предназначен этот перевод, если учесть, что цензура «в чопорной [его] отчизне» не решится в ближайшем будущем пропустить хоть что-то из его произведений, а «рядовой» советский и «зарубежный» русский читатель предпочтет ему условных Фолкнера или Пастернака. Но «<...> что мне сказать насчет <...> н о р м а л ь н ы х [разрядка наша. – К. К.] читателей?» – спрашивает себя Набоков [Набоков, 2004а, с. 349–350]. «Нормальный», или, иначе говоря, вдумчивый и серьезный читатель, – вот она, такая нужная Набокову аудитория. Конечно, писатель неоднократно заявлял, что всегда стремился «угодить <...> одному читателю – себе самому», и что какая бы то ни было аудитория для него не слишком значима (с. 126, 147). Однако подобные, несколько эгоцентричные, высказывания Набокова сменялись, к примеру, его же признаниями в том, что для него каждый его «призрачный контрабандист»-читатель в советской России равен сотне его официальных читателей в других странах; и что полученное от одного из них письмо он может назвать «подлинно важным» моментом (с. 260, 368).

Можно сказать, что в самом факте перевода Набоковым «Лолиты» на русский язык объединилось сразу несколько причин. Во-первых, переведя эту нежную, пронизанную добротой книгу – а так ее позиционировал сам Набоков, он смог именно на ней поставить красивую точку в «отношениях» с родным русским языком. Во-вторых, автоперевод дал Набокову если не уверенность, то веру в то, что когда или если «Лолита» (и не только она) доберется до «нормального» читателя на его родине, то будет оценена этим читателем так, как того заслуживает. А вместе с романом будет оценен и его автор – и не как «фривольная птичка в ярких перьях», но как «строгий моралист», выше всего ставивший нежность, талант и чувство гордости [Набоков, 2004б, с. 617].

Подводя итог, можно сказать, что восприятие В. Набоковым себя как русского писателя, исходя из его публичных высказываний, выглядит достаточно противоречивым. С одной стороны, русское прошлое было для Набокова неоспоримым фактом собственной биографии; с другой же стороны, смысла продолжать называть себя русским писателем в публичном пространстве для него не было, ведь к тому времени, на которое пришлось почти все интервью Набокова, он был уже знаменитым американским литератором. Если Набоков все-таки решал дать положительный ответ на вопросы журналистов о том, остается ли он еще и русским, а не только американским писателем, то делал это так, чтобы его слова нельзя

было счесть полноценными признаниями в «русскости». С этой целью в одном интервью Набоков мог ощущать себя по-прежнему увлеченным «всем русским», во втором – говорить о совершенном владении русским языком и привязанности к парковым тропинкам из его детства, но и только; в третьем и четвертом – наметить только косвенную возможность посчитать себя «русским писателем». Отношение Набокова к России также было весьма непростым, так как «распадалось», с одной стороны, на отношение к ней как к идиллической стране детства, а с другой – на отношение к тоталитарному государству послереволюционного периода, образ которого в сознании писателя не претерпел никаких эволюционных изменений. Имперская, дореволюционная Россия, с ее культурой и историей, несмотря на все публичные заверения Набокова в том, что он не чувствует такой уж большой связи с ее традициями, всё же была для него основным творческим «фундаментом». Советская же Россия по определению не могла вызывать у него никаких симпатий: его книги имели там статус запрещенных, читательская аудитория если и была, то тайная и малочисленная, а система политических и идеологических установок «полицейского» государства вызывала глубокое неприятие. Вероятности своего физического возвращения на прежнюю родину Набоков также не допускал, не оставляя, однако, в глубине души надежды на то, что когда-нибудь он всё же туда вернется, но – благодаря своему творчеству.

Список литературы

- Аверин Б.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
- Адамович Г.* Рец.: «Современные записки», книга 42 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛЮ, 2000. С. 61–62.
- Анастасьев Н.* Владимир Набоков. Одинокий король. М.: Центрполиграф, 2002. 525 с.
- Блюм А. В.* «Поэттик белый, Сирина...» (Набоков о цензуре и цензура о Набокове) // Звезда. 1999. № 4. С. 198–203.
- Блюм А. В.* Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
- Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография: Пер. с англ. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.
- Виралайнен М.* Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности // В. В. Набоков: pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. Т. 2. С. 261–269.
- Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
- Матвеева М. В.* Диалог культур в англоязычной прозе В. В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2010. 23 с.
- Мельников Н. Г.* Преамбула к подборке рецензий на «Лолиту» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве В. Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛЮ, 2000. С. 258–268.
- Мельников Н.* Сеанс с разоблачением, или Портрет художника в старости // Мельников Н. О Набокове и прочем: статьи, рецензии, публикации. М.: НЛЮ, 2014. С. 142–171.

Осоргин М. Рец.: Король, дама, валет. Берлин: Слово, 1928 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛЮ, 2000. С. 40–42.

Плотникова Е. В. Билингвизм культур в творческом наследии В. В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 23 с.

Струве Г. Творчество Сирина // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛЮ, 2000. С. 181–186.

Тамми П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. Т. 1. С. 508–522.

Ходасевич В. О Сирине // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛЮ, 2000. С. 219–224.

Цетлин М. В. Сирин. Возвращение Чорба. Рассказы и стихи, 1930 // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 212–213.

Шраер М. Д. Набоков: Темы и вариации. СПб.: Академический проект, 2000. 384 с.

Список источников

Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / Ред.-сост. Н. Г. Мельников. М.: Независимая Газета, 2002. 704 с.

Набоков В. В. Другие берега: Сборник. Л.: Политехника, 1991. 400 с.

Набоков В. В. Предисловие // Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб.: Искусство-СПб; Набоковский фонд, 1999. С. 27–32.

Набоков В. В. Постскрипtum к русскому изданию // Набоков В. В. Избр. соч.: В 3 т. / Коммент. А. Кузнецова. М.: Мир книги, 2004а. Т. 3: Лолита (роман); Стихотворения; Событие (пьеса). С. 347–350.

Набоков В. Интервью немецкому телевидению, 1971 г. / Пер. с англ. С. Ильина // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004б. Т. 5: Прозрачные вещи (роман); Смотри на арлекинов! (роман); Память, говори (автобиография); Интервью. С. 609–617.

Набоков В. Писатели, цензура и читатели в России / Пер. с англ. А. Курт // Набоков В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. С. 23–37.

References

Adamovich G. Rets.: “Sovremennye zapiski”, kniga 42 [Rew.: “Sovremennye zapiski”, Book 42]. In *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. N. G. Mel’nikov (Ed.). Moscow, NLO, 2000, pp. 61–62.

Anastas'ev N. *Vladimir Nabokov. Odinokiy korol'* [Vladimir Nabokov. The lonely king]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2002, 525 p.

Averin B. *Dar Mnemosiny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg, Amfora, 2003, 399 p.

Blyum A. V. "Poetik belyy, Sirin..." (Nabokov o tsenzure i tsenzura o Nabokove) ["A white poetaster, Sirin..." (Nabokov on censorship and censorship on Nabokov)]. *Zvezda*. 1999, no. 4, pp. 198–203.

Blyum A. V. *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepli, zastoya i perestroyki. 1953–1991* [How it was done in Leningrad. Censorship in the years of thaw, stagnation, and perestroika. 1953–1991]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2005, 296 p.

Boyd B. *Vladimir Nabokov: amerikanskie gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: the American years: a biography]. Translation from English. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010, 950 p.

Dolinin A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The real life of the writer Sirin: Works on Nabokov]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2004, 400 p.

Khodasevich V. O Sirine [About Sirin]. In *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. N. G. Mel'nikov (Ed.). Moscow, NLO, 2000, pp. 219–224.

Matveeva M. V. *Dialog kul'tur v angloyazychnoy proze V. V. Nabokova* [The dialogue of cultures in the English-language prose of V. V. Nabokov]. Abstract of Cand. culturology diss. Shuya, 2010, 23 p.

Mel'nikov N. G. Preambula k podborke retsenzii na "Lolitu" [A preamble to a collection of reviews of "Lolita"]. In *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. N. G. Mel'nikov (Ed.). Moscow, NLO, 2000, pp. 258–268.

Mel'nikov N. Seans s razoblacheniem, ili Portret khudozhnika v starosti [A session with exposure, or a portrait of the artist as an old man]. In *O Nabokove i prochem: stat'i, retsenzii, publikatsii* [About Nabokov and other things: articles, reviews, publications]. N. G. Mel'nikov (Ed.). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 142–171.

Osorgin M. Rets.: Korol', dama, valet. Berlin: Slovo, 1928 [Rew.: King, Queen, Knave. Berlin: Slovo, 1928]. In *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. N. G. Mel'nikov (Ed.). Moscow, NLO, 2000, pp. 40–42.

Plotnikova E. V. *Bilingvizm kul'tur v tvorchestvom nasledii V. V. Nabokova* [Bilingualism of cultures in the creative heritage of V. V. Nabokov]. Abstract of Cand. culturology diss. Moscow, 2004, 23 p.

Shrayer M. D. *Nabokov: Temy i variatsii* [Nabokov: Themes and variations]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, 384 p.

Struve G. Tvorchestvo Sirina [Sirin's creativity]. In *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. N. G. Mel'nikov (Ed.). Moscow, NLO, 2000, pp. 181–186.

Tammi P. Zametki o poligenetichnosti v proze Nabokova [Notes on polygenetics in Nabokov's prose]. In V. V. Nabokov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [V. V. Nabokov: pro et contra. The personality and work of Vladimir Nabokov as assessed by Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute, 1997, pp. 514–528.

Tsetlin M. V. Sirin. Vozvrashchenie Chorba. Rasskazy i stikhi, 1930 [The Return of Chorb. Short Stories and poems, 1930]. In V. V. Nabokov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [V. V. Nabokov: pro et contra. The personality and work of Vladimir Nabokov as assessed by Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute, 1997, pp. 218–219.

Virolainen M. Angloyazychie Nabokova kak inobytie russkoy slovesnosti [Nabokov's English-speaking as an other-being of Russian literature]. In V. V. Nabokov: *pro et contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova. Antologiya* [V. V. Nabokov: pro et contra. Materials and research on the life and work of V. V. Nabokov. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute, 2001, pp. 261–269.

List of sources

Nabokov o Nabokove i prochem: interv'yu, retsenzii, esse [Nabokov about Nabokov and other things: Interviews, reviews, essays]. N. G. Mel'nikov (Ed., comp.). Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 2002, 704 p.

Nabokov V. V. *Drugie berega: Sbornik* [Other shores: A collection]. Leningrad, Politekhnik, 1991, 400 p.

Nabokov V. *Interv'yu nemetskomu televideniyu, 1971 g.* [Interview with German television, 1971]. S. Il'in (Transl. from English). In V. Nabokov. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda v 5 t.* [Collected works of the American period: in 5 vols.]. St. Petersburg, Simpozium, 2004b, vol. 5: Prozhachnye veshchi (roman); Smotri na arlekinov! (roman); Pamyat', govori (avtobiografiya); Interv'yu [Transparent things (a novel); Look at the harlequins! (a novel); Speak, memory (an autobiography); Interviews], pp. 609–617.

Nabokov V. V. Predislovie [Foreword]. In Nabokov V. V. *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina "Evgeniy Onegin"* [Commentary on A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin]. Translation from English. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, Nabokovskiy fond, 1999, pp. 27–32.

Nabokov V. V. Postskriptum k russkomu izdaniyu [Postscript to the Russian edition of Lolita]. In Nabokov V. V. *Izbr. soch.: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. A. Kuznetsov (Comment.). Moscow, Mir knigi, 2004a, vol. 3: Lolita (roman); Stikhotvoreniya; Sobytiye (p'esa) [Lolita (a novel); Poems; The event (a play)], pp. 347–350.

Nabokov V. Pisateli, tsenzura i chitateli v Rossii [Russian writers, censors, and readers]. In Nabokov V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Translation from English. St. Petersburg, Azbuka-Attikus, 2020, pp. 23–37.

Информация об авторе

Карина Касьмова, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия)

Information about the author

Karina Kasymova, Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 12.01.2025
The article was submitted on 21.10.2024;
approved after reviewing on 12.01.2025; accepted for publication on 12.01.2025*